

УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЯХ В РАННЕЙ АКАДЕМИИ

Рассматриваются фрагментарные и противоречивые свидетельства (прежде всего, свидетельства Евдокса и Спевсиппа), отражающие различные точки зрения, существовавшие в ранней Академии, по вопросу о существовании идей Платона. Автор анализирует академические дискуссии и показывает, почему члены платоновской Академии пришли к отрицанию учения Платона об идеях. Согласно мнению автора, первая часть диалога Платона «Парменид» является свидетельством дискуссии об идеях в ранней Академии.

Повышенный интерес исследователей к творчеству позднего Платона (особенно в связи с бурным обсуждением проблемы «неписаной» философии, начавшимся в шестидесятые годы прошлого века), а также к академическому периоду творчества Аристотеля привел к необходимости воссоздания атмосферы философских дискуссий, развернувшихся в середине IV века до н. э. в ранней Академии. Участниками дискуссии об идеях стали практически все ученики Платона. Результаты обсуждения теории идей в Академии известны: Спевсипп, Филипп Опунтский, Аристотель отказывались от идей, Ксенократ сформулировал концепцию метафизического атомизма, в основе которого лежало отождествление идей либо с числами, либо с неделимыми частями пространственных величин; свою модификацию теории идей предложил Евдокс Книдский. Анализ результатов, несомненно, свидетельствует о значимости данной дискуссии, стимулировавшей создание ближайшими учениками собственных оригинальных философских учений.

Основным источником наших знаний об академических спорах являются работы Аристотеля, собравшего и систематизировавшего в трактате «Об идеях» богатый материал внутриакадемической дискуссии. Полностью трактат до нас не дошел, однако его обширные фрагменты сохранил Александр Афродизийский.

Как показывает их анализ, трактат содержал не только критическое обсуждение платоновской теории идей и ее различных академических интерпретаций (Alex. Aphrod. In Met. com. 85.21—88.21. Hayd.), но и аргументацию сторонников идей (Там же, 82.11—83.16 Hayd.). По характеру материала и стилю изложения к этому трактату примыкает материал, используемый Аристотелем при написании девятой главы первой книги «Метафизики». По мнению А. Кубицкого, эта работа первоначально имела характер «доклада, обращенного к товарищам по школе»¹. В ней Аристотель выступает как академик, участвующий в дискуссии, но не разделяющий учение Платона об идеях, а стоящий на стороне его критиков. Позднее Аристотель почти без изменения включит этот материал в четвертую главу тринадцатой книги «Метафизики», однако изложение он будет вести уже не от первого лица. Материалы дискуссии можно найти и в сохранившемся во фрагментах диалоге Аристотеля «О философии».

Анализ аргументов как сторонников, так и противников идей содержался, вероятно, и в работах других академиков. В частности, Ксенократ известен как автор трактатов «Об эйдосах», «Об идеях», Гераклид Понтийский написал работу «Об эйдосах», Спевсиппу принадлежит сочинение «О родах и видах об-

разцов». Этой теме Платон посвятил свой диалог «Парменид», получивший в античности двойное название: «Парменид, или Об идеях» (D. L. III, 58). По мнению исследователей, первая часть диалога (Pl. Parm. 126 A–135 D) первоначально была написана как самостоятельное сочинение, предназначенное широкой публике с целью защиты идей и полемики с их противниками².

Опираясь на столь обширный материал о дискуссии, что, несомненно, свидетельствует о ее интенсивности и продолжительности, попытаемся ответить на вопросы о том, как понимали платоновскую теорию идей в Академии и от чего академики отказались.

Вероятно, можно согласиться с мнением Гатри, назвавшего Спевсиппа «центральной фигурой в большом академическом споре о платоновских идеях»³. А возможно, он был даже ее инициатором, как полагает Л. Таран⁴, ведь прежде всего с его именем Аристотель связывает отказ от идей. По мнению Аристотеля, поводом для такого решения стало осознание Спевсиппом трудностей, возникающих, если принять платоновское учение об идеях. Дважды в «Метафизике» Аристотель повторяет, что Спевсипп отказался от идей, видя всю неудовлетворительность и надуманность (искусственность — *И. М.*) учения об эйдосах (Speus. fr. 35⁵), «видя имеющиеся трудности относительно идей» (Speus. fr. 36). Говоря об интерпретации теории идей, предложенной Евдоксом Книдским, Аристотель также подчеркивает, что сделал он это, «разбирая трудности» (Arist. Met. 1079 b 21).

О каких трудностях идет речь, и когда в Академии пришли к их осознанию? Думается, что одной из причин, стимулировавшей дискуссию, стал отъезд Платона на Сицилию. В 367 году на Сицилии умирает тиран Дионисий I, и,

уступив настоятельным просьбам своего сиракузского друга Диона, Платон отправляется в Сиракузы обучать и воспитывать Дионисия Младшего (Pl. Ep. VII, 339 A — 340 A; D. L. III, 21). До отъезда на Сицилию Платоном уже были написаны такие диалоги, как «Пир», «Менон», «Кратил», «Теэтет», «Федон», в которых он сформулировал свое учение. Наиболее подробно в этих диалогах представлена процедура возведения чувственно воспринимаемого множества к единому прообразу, поиски единого во многом, ибо, по мнению Платона, для каждого множества может быть найдена определенная идея (Pl. Men. 72 C, ср.: 74 D–E).

Путь восхождения к единому на примере прекрасного ярко и образно рисует Платон в «Пире», утверждая, что, «начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх — от одного прекрасного тела к двум, от двух — ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это — прекрасное» (Pl. Symp. 211 C). В «Теэтете» (Pl. Theaet. 184 D, ср.: 204 A, 205 A), в «Кратиле» (Pl. Crat. 439 C — 440 B), в «Федре» (Pl. Phaedr. 273 E) Платон подчеркивает необходимость разделения на эйдосы и способность охватить каждый элемент сущего в одной «идее».

В «Пире» устами Диотимы Платон дает развернутое определение идеи прекрасного. Это «нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскуднения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то пре-

красное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает» (Pl. Symp. 211 A–B). В «Федоне» Платон продолжает: «Я держусь единственного объяснения: ничто иное не делает вещь прекрасною, кроме присутствия прекрасного самого по себе или общности с ним. Я не стану далее это развивать, я настаиваю лишь на том, что все прекрасные вещи становятся прекрасными через прекрасное (само по себе)» (Pl. Phaed. 100 D).

Перед нами прекрасная картина, ярко и образно нарисованная Платоном, картина понятная и мысленно воспроизводимая и, как кажется Платону, очень убедительная, ведь «надежнее ответа нельзя, по-моему, дать ни себе, ни кому другому», — уверено замечает Платон. (Там же — *И. М.*) И это действительно было так, пока речь шла о поэтической картине мира идей. В отличие от нее «теория идей» предполагала, как, вероятно, думали академики, строгие логические построения, требовавшие уточнения смысла сказанного Платоном, его проверки. Всю неудовлетворительность поэтическими построениями «Федона» ярко сформулировал Аристотель, подчеркнув, что «говорить же, что они (эйдосы — *И. М.*) образцы, и что все остальное им причастно, — значит пустословить и говорить поэтическими иносказаниями» (Arist. Met. 991 a 20–22). По мнению Аристотеля, Платон, утвер-

ждая, что все чувственно воспринимаемое существует через причастность эйдосам, не ответил на вопрос, что такое причастность или подражание эйдосам, предоставив это исследовать другим. (Там же, 987 b 13–14 — *И. М.*) Превратить поэтические картины в строгие логические построения, поняв и уточнив используемую Платоном терминологию, — вероятно, именно эту задачу ставили перед собой академики, обсуждая «теорию идей» Платона. Отсутствие же учителя, его вынужденное двухлетнее молчание лишь стимулировало активность его учеников.

В этом контексте становится понятной позиция, занятая Евдоксом. Как показывает анализ сохранившихся фрагментов трактата Аристотеля «Об идеях», Евдокс разделял развернутое в «Федоне» понимание идей как вечных, неделимых, чувственно невоспринимаемых, в самих себе единообразных, не испытывающих никаких воздействий сущностей. Однако если в «Федоне» Платон только констатировал существование вещей через причастность идеям, но не объяснял, что значит «причастность» или «приобщение», то Евдокс, развивая, как, вероятно, ему казалось, тезис Платона, выдвинул идею об имманентном существовании идей в вещах. Согласно сообщению Аристотеля в «Метафизике», причастность вещей идеям Евдокс понимал как некоторое примешивание идей к вещам, полагая, что идеи являются причинами вещей в том же смысле, в каком «примешивание к чему-то белого есть причина того, что оно бело» (Arist. Met. 991 a 14–17, 1079 b 18–22).

Действительно, такое толкование «причастности» давало возможность Евдоксу показать важность эйдосов для чувственно воспринимаемых вещей как их причин и начал и тем самым защи-

тить платоновские идеи от критики. Но, с другой стороны, предложенное Евдоксом объяснение, независимо от того, осознавал ли это он сам, противоречило пониманию идей, сформулированному в «Федоне». Девять из десяти аргументов, выдвинутых против Евдокса и представленных Аристотелем в трактате «Об идеях», были построены на демонстрации самопротиворечивости идей, которые, в случае принятия тезиса Евдокса об имманентном существовании идей в вещах, будучи неподвижными, едиными и неделимыми, оказывались одновременно движущимися, многими и делимыми, так как находились в чувственно воспринимаемых вещах и поэтому должны были обладать теми же характеристиками, что и вещи. Подтверждением такого вывода могут служить аргументы против идей, изложенные в «Топике» (Arist. Top. 113 a 25, 137 b 3, 143 b 23, 147 a 3, 148 a 13). Таким образом, понимание идей как имманентно существующих в вещах (а как иначе объяснить причастность вещей идеям?) и в то же время утверждение истинности платоновского их толкования приводило к самопротиворечивости идей. Это и была та трудность, с которой столкнулся Евдокс и его последователи, пытаясь развивать учение Платона, разясняя и уточняя смысл основных его понятий.

Рассмотрим теперь «трудности относительно идей», с которыми встретился Спевсипп и осознание которых привело его к отказу от идей. О характере этих трудностей Аристотель сообщает лишь мимоходом, как о хорошо известном и не требующем специальных разъяснений. «Затруднение, — говорит он, — встречается в отношении видов к роду, когда общее признается отдельно существующим, а именно будет ли само-по-себе-животное находиться в отдельном животном, или же последнее отлично от

него» (Arist. Met. 1085 a 23–26). Комментируя этот малопонятный отрывок, Г. Чернисс замечает, что «дилемма здесь изложена так сжато, как если бы это был хорошо известный аргумент, одна ссылка на который была бы уже достаточно»⁶. Действительно, обращение к «Топике», где этот аргумент более полно изложен, позволяет прояснить сказанное Аристотелем в «Метафизике».

Анализируя условия правильности построения определений, Аристотель показывает, что род не может быть разделен на виды через отрицание. Такую ошибку, по его мнению, допускают те, кто определяют линию как длину, не имеющую ширины, так как в этом случае «родом для линии будет или длина, не имеющая ширины, или длина, имеющая ширину». Далее Аристотель утверждает, что этот топ применим против тех, «кто полагает, что существуют идеи», так как они утверждают, что «каждый род по числу один», то есть это сама-по-себе-длина, или, по-другому, идея длины, а в таком случае идеи будут присущи противоположные атрибуты. Таким образом, утверждение, что сама-по-себе длина суть род, приводит к противоречию, когда идея длины должна рассматриваться как одновременно имеющая ширину и не имеющая ее» (Arist. Top. 134 b 11–30). Иначе говоря, нельзя рассматривать идею в качестве рода, так как в этом случае, при условии дихотомического деления по признаку отрицания, идея будет иметь противоположные характеристики, то есть окажется самопротиворечивой.

Аристотель отмечает, что аналогичное противоречие возникает, если утверждать, что «само-по-себе-живое существо есть род». (Там же, 143 b 33 — *И. М.*), что прямо отсылает нас к седьмой книге «Метафизики». Следует отметить, что в «Метафизике» Аристотель

многokrратно возвращается к критике платоновской теории идей и ее академических интерпретаций, используя при этом как старые академические аргументы, так и новые, выработанные в результате формирования собственной системы. Сопоставление текстов «Метафизики» с ранними работами Аристотеля позволяет выделить аргументацию, несомненно, восходящую к академической дискуссии, в частности, это относится к четырнадцатой главе седьмой книги. Аристотель показывает, что если предположить, что родовое понятие «живое существо» — это идея, то, согласно платоновскому пониманию идеи как единой и самотождественной, «живое существо» должно быть одно. Однако «живое существо», будучи родовым понятием, должно существовать в каждом видовом понятии: «человек», «лошадь» и т. д. и, следовательно, «живое существо», будучи одной идеей, должно стать многими. «Каким образом одно, — спрашивает Аристотель, — будет одним в вещах, существующих отдельно, и почему это «живое существо» не будет существовать отдельно и от самого себя?» (Arist. Met. 1039 a 33 — b 2).

Более того, в этом случае идея не только может отделиться от самой себя (будучи единой, стать многим), но ей будут одновременно присущи противоположности, так как «живое существо» причастно противоположным видовым отличиям, «двуногому» и «многонугому». (Там же, 1039 b 2–3, ср.: Top. 143 b 11–30). Далее Аристотель замечает: «Если же здесь нет такой причастности, то как можно говорить, что живое существо есть двуногое и обитающее на суше? Но, может быть, то и другое складывается, соприкасается или смешивается?» «Однако все это нелепо», — заключает Аристотель (Там же, 1039 b 3–6). Таким образом, здесь, как и в «Топике»,

Аристотель демонстрирует основную трудность — идеи оказываются самопротиворечивыми, как оказались они самопротиворечивыми у Евдокса, интерпретировавшего связи идей и вещей как смешивание одного с другим, на что и указывает здесь Аристотель, отвергая обе интерпретации как нелепые.

Анализ приведенных фрагментов из «Топики» и «Метафизики» показывает, что прийти к утверждению самопротиворечивости идей можно было только при определенных допущениях, и эти допущения были академиками приняты. Прежде всего, это интерпретация платоновских идей как родовых и видовых понятий. Рассмотренные как идеи, родовые и видовые понятия приобретали статус сущностей, имеющих самостоятельное существование. В этой связи представляется вполне закономерной частая замена академиками термина «идея» на «предикат», или «сказуемое» (το κατηγορούμενον). Так, например, Александр Афродизийский, ссылаясь на трактат Аристотеля «Об идеях», характеризует сторонников идей как тех, «кто отделяет общий предикат от конкретных вещей» (Alex. Aphrod. In Met. com. 82. 11–83, 16 Hayd.); об идеях как общих предикатах говорит Аристотель в «Никомаховой этике» (Arist. NE. 1096 a 19–24). В так называемых «Аристотелевских разделах», сочинении, содержащем ряд академических учений, вместо термина «идея» также употребляется «общий предикат» (сказуемое), обозначающий род видов, на которые он делится. Но в том случае, если платоновские идеи становятся сказуемыми, то, что у Платона носит название причастности вещи идее, или общности идеи и вещи, получает название сказывания чего-то о вещи, для чего используется глагол κατηγορεῖται (Divis. Arist. 64–65 Mutsch.). Очевидно, что следствием та-

кой интерпретации идей должна была стать онтологизация логических связей, возникающих между родовыми и видовыми понятиями. И это было вторым допущением, принятым академиками, и приводившим к мысли о самопротиворечивости идей.

Об интересе в Академии к анализу родо-видовых связей свидетельствуют названия работ академиков: Ксенократ написал сочинение «О родах и видах», Спевсипп — «О родах и видах образцов», Аристотель — «О видах и родах». Анализ сохранившихся свидетельств показывает, что такие понятия, как «видовое отличие», «вид», «род», в отличие от их нетерминологического употребления в диалогах Платона, академиками стали использоваться в качестве технических терминов⁷. В частности, было разработано учение о первичности по природе рода по отношению к виду. О распространении в Академии этого учения свидетельствуют «Аристотелевские разделения», в шестьдесят пятом параграфе которых связь между родом и видом рассматривается как один из примеров связи предшествующего и последующего по природе. Она характеризуется тем, что разрушение предшествующего влечет за собой разрушение последующего, тогда как разрушение последующего не влияет на предшествующее (*Divis. Arist. § 65 Mutsch., ср.: Sext Emp. Adv. math. X, 269–270.*). Подтверждает существование такого учения в Академии и Аристотель, отмечая в «Топике», что «с устранением рода и видового отличия устраняется и вид, так что они первее вида» (*Arist. Top. 141 b 28–30, ср.: 123 a 15, ср.: Met. 1040 a 22–23, ср.: 1059 b 38.*)

Основой развиваемого академиками учения об онтологической первичности рода по отношению к виду стал перенос платоновской онтологической иерархии,

определяющей отношения идей и вещей, на отношения родовых и видовых понятий. В этом случае чем больше был объем понятия, тем выше оказывался его онтологический статус. Именно на таком понимании родо-видовых связей основан аргумент, приводящий к утверждению самопротиворечивости идей. Как пишет Аристотель, «эйдосы должны были бы быть образцами не только для чувственно воспринимаемого, но и для самих себя, например, род как род для видов, так что одно и то же было бы и образцом, и уподоблением» (*Arist. Met. 991 a 29–30*). Действительно, идея, интерпретируемая как видовое понятие, выступает в качестве образца для чувственных вещей (вид сказывается о вещах, или, по терминологии Платона, вещь возникает через причастность идее), но само видовое понятие одновременно является уподоблением роду, ведь род сказывается о виде, и в этом случае понимается как идея, обладающая более высоким онтологическим статусом.

Другая трудность, с которой столкнулись академики, была связана с определением вида через род и видовое отличие. Такое определение вида означает, что род и видовые отличия, учитывая их онтологическую интерпретацию, следует рассматривать как части, которые содержатся в виде и существуют раньше него. В этом случае «человек» должен состоять из «живого существа» и «двухногого». Если рассматривать «человека» как существующего самого по себе, «который как таковой есть определенное нечто и существует отдельно, то, — подчеркивает Аристотель, — части также должны означать определенное нечто и быть отдельно существующими сущностями». (Там же, 1039 a 30–33, ср.; 991 a 26–29). Следовательно, возникновение чувственной вещи через причастность идее, видовому понятию бу-

дет означать причастность ее и частям вида, то есть роду и видовым отличиям. Таким образом, академики получили для одной вещи несколько идей, что противоречит утверждению Платона о существовании только одной идеи для множества вещей.

Отождествление логических отношений между понятиями с онтологическими приводило академиков к необходимости разрешения еще одной сложной задачи, связанной с рассмотрением понятий *часть и целое*. С точки зрения академиков, когда понятия сопоставляются по объему, род выступает как целое и предшествует по бытию своим частям — видам. Однако определение вида как состоящего из рода и видовых отличий приводит к тому, что уже вид выступает в качестве целого и должен предшествовать по бытию своим частям — роду и видовым отличиям. Таким образом, получается, что род и вид оказываются самопротиворечивыми понятиями, одновременно существующими и раньше, и позже друг друга.

Итак, подводя итог рассмотрению внутриакадемической дискуссии об идеях, можно достаточно ясно ответить, с какими трудностями относительно идей столкнулись последователи Платона и чем эти трудности были обусловлены. Прежде всего, понимая платоновские идеи как понятия, имеющие более высокий онтологический статус, чем чувственно воспринимаемые вещи, академики, развивая последовательно это положение, с необходимостью пришли к онтологической интерпретации логической иерархии понятий (согласно которой чем больше объем понятия, тем выше его онтологический статус), а затем — и к отождествлению всех логических отношений между понятиями с онтологическими. Это и стало базой для выводов,

приводящих к утверждению самопротиворечивости идей.

Однако в соответствии с «законом противоречия» никакой объект не может одновременно иметь противоположные свойства. Формулировка и признание закона, запрещающего формальное противоречие, вероятно, относятся к периоду дискуссии. В частности, в «Государстве» Платон пишет: «Одно и то же в одном и том же отношении (не может) одновременно стоять и двигаться» (Pl. Rep. 436 C), поскольку «тождественное не стремится одновременно совершать или испытывать то, что противоположно его тождественности и направлено против нее». (Там же, 436 B — *И. М.*). Самая ранняя аристотелевская дефиниция закона, вероятно, встречается в «Топике», где Аристотель утверждает, что «невозможно, чтобы противоположности были в одно и то же время присущи одному и тому же» (Arist. Top. 113 a 20, ср.: Cat. 14 a 10–14)⁸. Признание «закона противоречия» академиками подтверждает формула, данная Ксенократом. Согласно Ксенократу, «...невозможно, чтобы одно и то же было одновременно единым и многим, потому что противоположности не могут быть (обе из них) истинными» (Xen. fr. 44 a⁹). Таким образом, признание «закона противоречия» ставило под сомнение само существование идей.

Академики оказались погруженными в бурные дебаты по самым существенным вопросам. Ответ на них мог дать только сам Платон. По возвращении в 365 году из Сицилии он пишет первую часть «Парменида». Анализ текста «Парменида» позволяет выделить пять аргументов против идей, четыре из которых имеют схожую структуру¹⁰. Каждый аргумент состоит из изложенного Парменидом утверждения Сократа относительно идей, соответствующего

учению об идеях, которое сам Платон сформулировал в диалогах. Далее следует сделанное Парменидом и принятое Сократом допущение, содержание которого не соответствует платоновскому учению. И, наконец, вывод, состоящий в утверждении самопротиворечивости идей и, следовательно, приводящий к их отрицанию.

Сопоставление рассмотренных выше интерпретаций идей как родо-видовых понятий (Спевсипп, Ксенократ, Аристотель) и как сущностей, имманентно присутствующих в вещах (Евдокс) с тем пониманием идей, которое изложено в допущениях «Парменида», показывает, что допущение каждого из аргументов представляет один из вариантов академической интерпретации идей. Таким образом, вся первая часть в целом — сводка возражений «против идей», воспроизводящая аргументы, выдвинутые в Академии в процессе дебатов.

В этой связи особую значимость приобретает последний, пятый аргумент Платона (Pl. Parm. 133 C — 134 E). Тезис этого аргумента интересен тем, что в нем Платон отрицает допущения всех рассмотренных выше четырех аргументов. Прежде всего, подчеркивая, что никакой существующей самостоятельно сущности каждой вещи в нас нет, Платон утверждает невозможность отождествления идей и понятий, так как «все идеи суть то, что они суть, лишь в отношении одна к другой». Понятия же, то

есть находящиеся в нас подобия, одноименные с идеями, «образуют свою особую область и в число одноименных им идей не входят». В данном случае мы имеем четкий, без каких-либо колебаний ответ Платона своим ученикам. Платон подчеркивает, что не разделяет их интерпретации идей. Различение понятий и идей, мыслей и идей делает платоновское учение об идеях неуязвимым для академической критики. Вероятно, демонстрация этого и была целью создания первой части «Парменида». Платон подробно изложил аргументы своих критиков, не скрывая их основательность и убедительность, именно это и дает основание исследователям увидеть в них платоновскую самокритику, но, по мнению Платона, эти аргументы не затрагивают сути его учения об идеях.

Однако и предложенное Платоном понимание идей не решало множества проблем, поднятых академиками во время дебатов. В частности, если идеи и понятия нетождественны, то как возможно тогда знание идей? Думается, что сам Платон не спешил дать готовый ответ, он еще вернется к этой проблеме в «Тимее» (Pl. Tim. 51 C — D), в «Филебе», вновь частично воспроизведя дискуссию (Pl. Phil. 15 A–C), в Седьмом письме (Pl. Ep. VII, 342 B — 344 B). Возможно, Платон не хотел пресечь творческий поиск своих учеников, видя свою задачу лишь в том, чтобы предостеречь их от поспешных выводов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Аристотель*. Метафизика (перевод и прим. А. В. Кубицкого). М.; Л., 1934. С. 273, пр. 5.
- ² *Thesleff H.* Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982. P. 157.
- ³ *Guthrie W. K. G.* A History of Greek Philosophy. Cambridge, 1978. Vol. V. (The Later Plato and the Academy). P. 458.
- ⁴ *Taran L.* Speusippus of Athens. A critical study with a collection of the related texts and commentary. Leiden, 1981. P. 72.
- ⁵ Фрагменты Спевсиппа цитируются по изданию: *Taran L.* Speusippus of Athens. A critical study with a collection of the related texts and commentary. Leiden, 1981.

-
- ⁶ Cherniss H. The Riddle of the Early Academy. Berkely — Los Angeles, 1945. P. 40.
- ⁷ Op. cit., P. 39. Ср.: Balme D. M. Genos and eidos in Aristotle's Biology // Classical Quarterly. 1962. P. 91–98.
- ⁸ Позднее Аристотель многократно формулирует и использует этот закон. Подробнее см.: Луканин P. К. «Органон» Аристотеля. М., 1984. С. 51–64.
- ⁹ Фрагменты Ксенократа цитируются по изданию: Heinze R. Xenokrates. Darstellung der Lehre und Sammlung der Fragmente. Leipzig, 1892 (1965).
- ¹⁰ Анализ аргументов первой части см.: Vlastos G. Parmenides' Third Man Argument (Parm. 132 A 1 — B 2): Text and Logic // Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. P. 289–301; Мочалова И. Н. Метафизика ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля / АКАΔΗΜΕΙΑ: Материалы и исследования по истории платонизма: Межвузовский сборник. Вып. 3 / Под ред. А. В. Цыба. СПб., 2000. С. 276–283.

I. Mochalova

THE DOCTRINE OF IDEAS IN THE EARLY ACADEMY

The scattered and complicated evidences of the various points of view (first of all evidences of Eudoxus and Speusippus) adopted in Early Academy on the issue of existence Plato's ideas are regarede. The debate in the Academy is analysed and it is shown why the members of Plato's Academy rejected Plato;s doctrine on ideas. According to the author, the first part of Plato's «Parmenid» is the evidence of debate on doctrine of ideas in Early Academy.